

Иван Курилла

Mischa Gabowitsch, ed. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 353 pp. ISBN 9783319650265.

Иван Курилла, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ЕУСПб, Гагаринская ул., 6/1, лит. А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. ikurilla@eu.spb.ru.

Результатом стремления современных обществ разобраться с кровавым наследием XX века стал «мемориальный поворот» последних десятилетий, проявившийся во вторжении прошлого в политику, распространении массовых движений, объединенных отношением к определенным событиям истории, и формировании нового научного направления исследований памяти (memory studies). Разные страны включаются в процесс осмысления и преодоления геноцида, массовых репрессий и военных преступлений. Исторический опыт уникален, но политики и интеллектуалы в разных странах ищут образцы и «лучшие практики» преодоления трудного прошлого¹.

Коллективная монография под редакцией Михаила Габовича (Mischa Gabowitsch) посвящена рассмотрению глобальной перспективы памяти, в которой образцом разбирательства с трудным прошлым (Vergangenheitsbewältigung) является Германия. Авторы книги, название которой можно перевести вопросом «Как воспроизвести покаяние?», показывают, что содержание немецкого опыта представляется разным в различных национальных контекстах. Ему зачастую приписываются черты, отсутствующие в своем обществе или же в обществе, подвергаемом критике, в то время как неудачи и проблемы самого немецкого разбирательства с прошлым не замечаются и игнорируются.

В редакторском введении Габович ставит проблему влияния глобального контекста на бытование памяти, способы коммеморации и забвения на национальном уровне. Он предлагает классифицировать варианты обращения к модельному немецкому опыту в разных обществах, разделяя их на «трамплин», «эталон», «фольгу» или «экран» (springboard, yardstick, foil, screen), – да простит мне автор этот перевод его терминов. Только первый вариант, использование германского опыта как источника вдохновения для поиска самостоятельных решений, представляется Габовичу перспективным. В тех же случаях, когда этот опыт используется как эталон для критики недотягивающих до (идеализированного описания) этого опыта стран или как готовая модель, в которую надо вписать собственное прошлое, результатом «импорта» немецкого опыта может стать затушевание проблем вместо их решения. Таким образом, искупление (другой возможный перевод главного слова в названии книги) требует одновременно местного импульса и внешне-

¹ См., например, книгу Николая Эппле «Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах» (М.: НЛО, 2020).

го контекста, использования опыта других, но изученного и понятого именно как чужой, способный вдохновить, но невозможный для повторения.

В главе Франциски Серафим (Franziska Seraphim) раскрывается проблема соотношения внутрияпонского контекста и внешнего давления со стороны других стран, постоянно сравнивающих «Японию, которая не извиняется» с Германией. Автор показывает, что отличие японского контекста от германского заключается среди прочего в том, что Германия в послевоенные годы была экономически и политически интегрирована в демократическую Европу, тогда как американские оккупационные власти препятствовали какой-либо интеграции Японии с соседями, и считает, что постоянное сравнение Японии и Германии было ориентализирующим и что оно дало аргументы японским правым политикам в националистическом отрицании японской ответственности за зверства времен Второй мировой войны.

Суне Хагболле (Sune Haugbolle) анализирует нарратив памяти о трагедиях гражданской войны в Ливане. В написанной им главе показано, что в этой стране государство устранилось от решения проблемы (за исключением выплаты компенсации жертвам и помощи беженцам), и развитием памяти – тем, что в Германии называется преодолением прошлого, – занимаются только культурные институции. Однако, по мнению автора, это сужает круг людей, занимающихся проработкой прошлого, до числа потребителей культурной продукции, не затрагивая менее образованную часть общества, а отсутствие юридических последствий и наказания для виновных делает возможным «хвастовство на камеру» соучастников массовых убийств в Сабре и Шатиле вместо покаяния и искупления.

В главе Леи Дэвид (Lea David) о Западных Балканах показано, как правительства Сербии и Хорватии балансируют между давлением международных (европейских) институтов (в пользу рассмотрения памяти с позиций прав человека, прежде всего через коммеморацию Холокоста) и требованиями местных ультраправых поддержать националистическую историю (включая частичную реинтеграцию пронацистских групп времен Второй мировой).

Турецкий случай, как показывает Айхан Кайа (Ayhan Kaya), также демонстрирует связь между внешними стимулами (обсуждением возможной интеграции страны в Европейский союз) и готовностью общества к обсуждению своего «трудного прошлого». Особые отношения с Германией подталкивали некоторых политиков к воспроизведению немецкого «разбирательства с прошлым» в Турции, и некоторые проблемы, в частности отношения с курдским меньшинством, в самом деле далеко продвинулись от конфликта. Однако последующий рост национализма, усиление исламской составляющей в политике правящей партии и утрата веры в перспективы евроинтеграции ударили и по политике «разбирательства с прошлым».

Автор главы о бывшей Югославии Жаклин Ниссер (Jacqueline Nießer) тоже предлагает отказаться от использования слова «модель» применительно к германским способам осмысления преступлений прошлого и устройства отношений с соседями и говорить лишь о «примерах», которые могут подтолкнуть к поиску собственного решения, а не копирования немецкого опыта. Кроме того, она задается

вопросами, насколько вообще применим немецкий опыт разбирательства с преступлениями, совершенными много десятилетий назад, для урегулирования свежего конфликта, и вообще не является ли экспорт немецкой культуры памяти новым вариантом «немецкой гордыни, которая привела к ужасам Второй мировой войны».

Канадское признание трудного прошлого направлено на коренное население страны, которое на протяжении нескольких поколений проходило насильственное обучение в интернатах, что с 2015 года называется в официальных документах «культурным геноцидом». Из главы Дэвида Б. Макдональда (David B. MacDonald) ясно, что немецкий опыт не рассматривался канадцами как модель, а вся политика по преодолению прошлого направлена на жертв, а не на преступников – по мнению автора, в отличие от опыта Германии, в котором Макдональд особо выделяет Нюрнбергский трибунал. Тем не менее нельзя не заметить, что для коренных американцев, прошедших обучение в школах-интернатах, он использует слово «выживший» (survivor), наполненное особым смыслом именно в дискурсе о Холокосте.

Малгожата Восинска (Małgorzata Wosińska) в главе о Руанде демонстрирует, что руандийцы тщательно изучают историю Холокоста, повторяют формы мемориализации, принятые в Германии, но при этом не могут осмыслить свою трагедию в собственных терминах.

Глава Ральфа Букенхорста (Ralph Buchenhorst) о латиноамериканских дискурсах памяти сосредоточена главным образом на аргентинском случае. Автор доказывает, что в работе с трудным прошлым примером для Аргентины служила не немецкая модель, а глобальная память о Шоа (Холокосте), ставшая универсальным языком разговора о правах человека. Политизированное использование Холокоста во внутренних дебатах, предостерегает исследователь, игнорирует истину, скрытую в деталях.

Алиса фон Биберштайн (Alice von Bieberstein) в своей главе о значении немецкого опыта для турецких споров о прошлом подчеркивает, что с момента авторитарного поворота в Турции в 2013 году турецкое государство не участвует в работе с трудным прошлым.

Михаил Габович посвятил свою главу опыту советской интеллигенции, смотрившей на немецкое покаяние как на образец для собственной страны. Автор приводит целый ряд примеров, показывающих, что сравнение Советского Союза с нацистской Германией было распространено среди свободомыслящей части советского образованного класса, и разбирает противоречия во взглядах авторитетных представителей этого социального слоя на содержание немецкого покаяния.

Последние две главы книги написаны в форме мемуаров и размышлений, что делает их особенно интересным чтением. Аня Мир (Anja Mühr), будучи немкой, описывает свои ощущения от путешествий по миру в период, когда немцам повсюду припоминали нацистское прошлое, и перемену настроения после 1989 года, когда к тем же немцам стали относиться как к носителям экспертного знания о том, как нужно разбираться с тяжелым прошлым. Автор поднимает важный вопрос о границах политического сообщества, разделяющего ответственность за пре-

ступления, совершенные в прошлом. В ее примере в переговорах между ФРГ и Израилем принял участие молодой немецкий политик турецкого происхождения, что в первый момент возмутило израильтян: очевидно было, что турок не должен был нести ответственность за Холокост. Однако тот заявил, что он не турок, а немец турецкого происхождения и потому принимает на себя ответственность. Этот показательный сюжет становится важным в современном мире множественных миграций.

Сюзан Нейман (Susan Neiman) в завершающей книгу главе сравнивает свой опыт приехавшей в Берлин еврейки и белой женщины, путешествующей по южному штату Миссисипи, печально известному как место наибольшего числа судов Линча над афроамериканцами. Для автора в немецком примере важно, что коммеморация жертв происходит в самом центре германской столицы – в отличие от этого, мемориалов жертвам рабовладения и колониализма нет ни на вашингтонском Молле, ни в лондонском Гайд-парке. Кроме того, автор поворачивает немецкий пример неожиданной стороной, когда со ссылкой на директора музея «Дом Ванзейской конференции» пишет, что исключительно важны и особенно помогают другим обществам в работе с собственным прошлым сведения о тех трудностях, которые испытывали немцы: именно то, что германский путь был непростым и полным отступлений, внушает надежду на то, что и другие найдут собственную дорогу.

Коллективная монография о возможности и пределах повторения немецкого опыта разбирательства с прошлым открывает читателю малоизвестные факты и позволяет посмотреть под новым углом на известные.

Выбор стран для включения в подобное исследование всегда зависит от многих, в том числе случайных, причин. Однако было бы интересно обосновать включение в книгу двух глав о Турции и только одной – о советском опыте (при отсутствии глав об украинском или любом другом постсоветском). Кстати, наличие в книге двух пар глав – о Турции и бывшей Югославии – показывает, что даже описание опыта одной страны может быть разным; остается вопросом, возможно ли вообще одинаковое понимание немецкого опыта.

Мне представляется, что классификация стран, обращающихся к этому опыту, может быть дополнена хотя бы по хронологическому критерию: страны, чье «трудное прошлое» завершилось семьдесят лет назад, и страны, которые лишь недавно перешли от репрессивных режимов к свободе, не могут одинаково ставить цели и применять опыт других. В одном случае речь идет о работе памяти поколений, следующих за поколениями жертв и палачей, тогда как в другом именно это поколение совершает разбирательство с прошлым.

Наконец, чтение этой монографии подталкивает читателя к желанию прочесть такую же монографию о содержании и проблемах немецкого опыта. Знаний о нем действительно не хватает.